

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ С.Н. БУЛГАКОВА (1904)

Статья «С новым годом!» была написана Булгаковым специально для первого в 1904 году номера киевского еженедельного журнала «Юго-западная неделя». Ее публикация 11 января стала событием не только в литературной и общественной жизни Киева, но и в личной и творческой судьбе автора. Если она и осталась неизвестной и не отмеченной в библиографических списках работ Булгакова¹, то это вполне объяснимо: после выхода номера «Юго-западная неделя» была закрыта, на тираж наложен арест, а текст статьи сохранился в виде приложения к личному делу Булгакова в киевском охранном отделении. Что же касается самого автора, то он старался впоследствии об этой работе киевского периода не вспоминать. И для этого были основания.

«Юго-западная неделя» выходила с 1903 года под редакцией и в издании Н.А. Муромцева при участии его брата, известного юриста проф. С.А. Муромцева, и была заявлена как «орган общественный, экономический, философский и литературный»². В том же году к участию в издании был приглашен В.Н. Лашнюков, радикальный публицист, имя которого довольно часто встречается в 1902-1906 годах на страницах киевской печати. О нем самом известно немного: на два года моложе Булгакова, внук священника, сын судебного пристава, кроме «Юго-западной недели» редактировал в 1904-1905 годах газету «Голос Юга», а в 1906 году совместно с Булгаковым издавал христианско-демократическую газету «Народ» и как ее официальный редактор был привлечен Киевской судебной палатой за ряд помещенных статей (в том числе и булгаковскую), получил год крепости³. С 1906 года Лашнюков исчез с горизонта общественной и литературной жизни Киева, но в 1903 он был фактическим редактором солидной «Юго-западной недели». Под его влиянием журнал

быстро поменял состав участников и направление. Лашнюков пригласил к сотрудничеству своего молодого друга, тогда еще никому неизвестного В.В. Зеньковского, первые литературные опыты которого и появились в 1903 году в «Юго-западной неделе»⁴. В новом 1904 году журнал должен был выйти уже с более общественно ориентированной программой, основные положения которой гласили следующее: «В области социальной - свобода личности и всестороннее развитие ее во всех проявлениях индивидуальной и общественной жизни. В области экономической - научная разработка экономических вопросов и освещение их с точки зрения труда»⁵. Для искушенного читателя краткие по цензурным условиям фразы означали, что журнал становится преимущественно политическим по тематике и радикальным по содержанию. Убедить его в этом должен был и подобранный под такую программу состав участников (Г.Е. Афанасьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Водовозов, В.В. Зеньковский, И.С. Книжник, С.А. Муромцев, В.И. Успенский). Но с таким «обновленным» составом удалось выпустить только один сдвоенный номер - за помещенную в нем передовицу «С новым годом!» издание было приостановлено и больше уже не возобновлялось⁶.

Сама же статья легла в начатую раньше папку личного дела экстраординарного профессора Киевского Политехнического Института и приват-доцента киевского университета Св. Владимира по кафедре политической экономии и статистики Булгакова⁷. Внимание киевской полиции Булгаков привлек еще в 1902-1903 годах: «...по общему своему неблагонадежному направлению и особенно по публичным лекциям, читанным им в последние годы в г. Киеве, в которых под видом «нового слова» в науке он проводил самые крайние социалистические идеи, граничащие с противоправительственной пропагандой, чем снискал себе огромную популярность среди известной части молодежи»⁸. Публичные лекции Булгакова были немногочисленны, особую же известность как у радикального Киева, так и у полиции он приобрел своими учебными лекциями, официально именуемыми как «Критическое введение в экономическую науку», и факультативными занятиями со студентами Киевского Политехникума и Университета. По собранным полицией агентурным данным в 1903 году слушать эти лекции «собирались студенты Университета, сознательные рабочие, девицы, женщины и в ограниченном количестве политехники. Число слушателей разночинцев, не имевших права входа на лекции достигало обыкновенно 100 и более человек, бывали случаи, что собиралось 300-400 человек. На лекциях этих царила обыкновенно полная свобода: раздавались прокламации, продавались нелегальные издания, шли совещания по различным революционным вопросам, бывали случаи, что после лекции ходили по рукам шапки с целью денежного сбора на революционные надобности»⁹.

Первые донесения о роде деятельности Булгакова были отправлены в Петербург в 1903 году. После же выхода «Юго-западной недели» с его участием киевская полиция получила более серьезный аргумент, чтобы просить убрать Булгакова из киевских учебных заведений или хотя бы ограничить его лекционную деятельность, и экземпляр его статьи был незамедлительно переправлен 4 февраля в Департамент полиции¹⁰. Обеспокоенность охранительных органов не была преувеличенной: по тем же агентурным сведениям, одна лишь булгаковская статья заставила заговорить о «Юго-западной неделе» весь неблагонадежный Киев¹¹. Образец того, как восприняли эту публикацию, сохранило перлюстрированное письмо неизвестного лица о выходе очередного номера журнала: «Там участвует известный Булгаков, который написал в журнале статью с призывом к свободе и братству, и так как этот профессор многими любим, то журнал в розничную продажу раскупается на расхват»¹².

Последствия не замедлили сказаться. Если раньше Булгаков числился в разряде «неблагонадежных» и на «особом счету», то с февраля 1904 года до самого отъезда из Киева за ним было установлено негласное наблюдение и его личное дело росло с угрожающей быстротой. В феврале и Петербург обратил внимание на донесения киевского охранного отделения, началась активная переписка с киевским губернатором и директором Политехникума и положение Булгакова оказалось критическим, - Департамент полиции требовал его отставки с запрещением преподавания в высших учебных заведениях. И это было бы неизбежным, если бы не то, что принято называть «духом времени».

Киевский Политехнический Институт по ведомству принадлежал не Министерству народного просвещения, а Министерству Финансов, которое весьма либерально отнеслось к проявлению инакомыслия в своих рядах и предоставило решение вопроса самому институту. К КПИ у полиции было претензий еще больше, чем лично к Булгакову: о революционных студенческих кружках и забастовках, о лекционной деятельности его преподавателей было заведено не одно дело. Из года в год в Петербург шли донесения о положении дел в институте с просьбой его немедленного закрытия как рассадника оппозиционных идей и настроений всех оттенков¹³. Трудно сказать, кто был более «радикальным» - студенчество или его преподаватели: по крайней мере, сохранившиеся в архиве КПИ протоколы заседаний Совета института 1901-1906 годов местами скорее напоминают материалы собраний оппозиционной общественной организации, нежели научно-административного органа¹⁴.

Понятно, что профессура института, которая, кстати, в 1904-1905 годах почти поголовно вошла в киевское отделение «Союза

Освобождения» и местную организацию кадетской партии и составила их руководящие звенья, встала на сторону Булгакова: на заседании 2 мая 1904 года «члены Совета сочувственно отнеслись к тяжелому положению, создавшемуся для профессора Булгакова»¹⁵. Но объяснение Министерству Финансов ему все-таки пришлось дать: «В настоящее время он, профессор *Булгаков*, принимает участие своими статьями исключительно в изданиях столичных: «Научное слова» (Москва), «Вопросы философии и психологии» (Москва), «Экономическая газета» (Петербург). Только в столичных изданиях он и впредь предполагает печатать свои произведения. Таким образом, в будущем не повторится того ненормального положения, какое возникло на почве цензуры при участии *Булгакова* в местном издании («Юго-западная неделя»), где были напечатаны публицистические издания «С новым годом» (так в оригинале - О.Л.). Далее, направление его лекций и бесед, а равно и публицистической деятельности вполне определяется теми идеями, которые изложены в его печатных книгах:» 1) «О рынках при капиталистическом производстве», 2) «Капитализм и земледелие», 3) «От марксизма к идеализму». Из пределов идей этих произведений профессор *Булгаков* не выступает»¹⁶. Со своей стороны, Министерство Финансов сочло необходимым «указать на те серьезнейшие затруднения, которые неизбежно должны будут возникнуть, если г. *Булгаков* не пожелает сообразовать своей публицистической деятельности с обязанностями охранять академические интересы Института, в коем он состоит профессором»¹⁷.

До июня Булгаков находился в неопределенном положении и лишь 8 июня 1904 года смог в прошедшем времени описать события М.О. Гершензону: "Суть в том, что по требованию мин<истерства> вн<утренних> д<ел> мне было предложено выйти в отставку, но затем мин<истерство> фин<ансов>, которое не хотело скандала, сделало диверсию, и пока я остаюсь. Отставка была предложена за общее направление и по совокупности, но последней каплей была моя статья «С новым годом» в 1-ом номере «Юго-западной Недели», за к<отор>ую последняя и была запрещена (я Вам посылаю этот номер)"¹⁸.

К лету инцидент формально был исчерпан, но Булгаков еще долго продолжал испытывать на себе его последствия. Скандальная история со статьей значительно ограничила его возможности в последующие годы пребывания в Киеве прямо участвовать в общественной и литературной жизни. Через год, в феврале-марте 1905 года в ответ на прошение редактора - издателя «Вопросов Жизни» Н.О. Лосского утвердить редакторами журнала Д. Жуковского и С. Булгакова киевская цензура и полиция ответили отклонением его кандидатуры¹⁹. Наученный этим опытом, Булгаков

больше уже и не пытался выдвигать себя в качестве официального редактора тех изданий, в организации которых принимал участие. К примеру, редактором созданной в апреле 1906 года киевской газеты «Народ» был объявлен Лашнюков, хотя фактически им был Булгаков.

Однако статья «С новым годом» достойна внимания не только в связи с теми последствиями, которые она имела в личной судьбе ее автора, и, возможно, не столько этим. Когда она не дала возможности Булгакову стать официальным редактором «Вопросов Жизни», он, будучи им фактически, с явным вызовом поместил в первом, январском, номере журнала за 1905 год статью под тем же названием и такого же направления. Хотя по своему тону статья в «Вопросах Жизни» была значительно умеренней и не походила столь откровенно на прокламацию, отдельные ее места представляли собой не что иное как перефразировку и дополнение положений работы из «Юго-западной недели»: «Русское общество по-прежнему стоит перед вековой своей задачей и по-прежнему требуются дружные и настойчивые усилия, упорная работа и самоотверженный подвиг для их достойного разрешения, главное же - непримиримость, непримиримость до конца!»²⁰. Заканчивает свою новую публикацию Булгаков той же самой фразой, о которой глава киевского жандармского управления еще в 1904 году удачно заметил, что она служит автору официальной формулировкой лозунга «долой самодержавие»²¹.

Любопытный факт: Булгаков при всем его стремлении по несколько раз переиздавать свои работы, особенно малоизвестные, ни к этой статье из «Вопросов Жизни», ни к работе киевского периода обращаться больше не стал. Настоящая публикация статьи 1904 года не имеет своей целью восполнить это «упущение» Булгакова, но только дополнить современное знание о его представлениях того времени. Характеристика развития его взглядов как «движения от марксизма к идеализму», данная им самому себе и вышедшей на полгода раньше статьи в «Юго-западной неделе» книге, слишком обща и не отражает конкретики «движения».

В 1900 году, вернувшись из заграничной командировки, Булгаков сообщил Гершензону как о главном ее итоге, что он "страхнул с себя окончательно ветхого социал-демократического ч<елове>ка"²². Если и соглашаться с такой автохарактеристикой, то лишь в том смысле смены философских и социологических основ мировоззрения. «Страхивание» растянулось еще как минимум на пять лет. Статья из «Юго-западной недели» буквально пропитана фразами, оборотами речи, образами, берущими начало в марксистском периоде его жизни. И это не только инерция слов - за ней те же политический радикализм и «отщепенство»,

пенство», против которых Булгаков будет выступать в «Вехах».

Текст статьи печатается по сохранившемуся в фонде Киевского охранного отделения экземпляру «Юго-западной недели»: ЦГИАУ (Киев). Ф. 275. Оп. 1. Т. 1. Д. 356. Л. 2-3. Устаревшая орфография исправлена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, Зандер Л.А. Бог и мир. Мирозозерцание о.Сергия Булгакова. Париж, 1948. Т. 1-2.

² ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 1. Т.1. Д. 356. Л. 1.

³ Там же. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1105-1107.

⁴ Зеньковский В.В. Из воспоминаний // Вестник РСХД. 1983. N 139. С. 116.

⁵ ЦГИАУ. Ф. 27. Оп. 1. Т. 1. Д. 356. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 274. Оп. 1. Д. 888. Л. 31.

⁷ В июле 1901 Булгаков занял должность экстра-ординарного профессора политической экономии и статистики в киевском политехническом институте, в 1903 - стал приват-доцентом Университета Св. Владимира. Киев Булгаков покинул в 1906 году в связи с получением места приват-доцента Московского университета. См.: РГИА (СПб.). Ф. 733. Оп. 151. Д. 206. Л. 99.

⁸ ЦГИАУ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 888. Л. 29-29об.

⁹ Там же. Ф. 442. Оп. 855. Д. 322. Л. 194-194об.

¹⁰ Там же. Ф. 275. Оп. 1. Т. 1. Д. 356. Л. 27-27об; Ф. 274. Оп. 1. Д. 888. Л. 29.

¹¹ Там же. Ф. 275. Оп. 1. Т.1. Д. 356. Л. 27об.

¹² Там же. Ф. 255. Оп. 1. Д. 621. Л. 83.

¹³ Там же. Ф. 442. Оп. 885. Д. 322.

¹⁴ Центральный архив г. Киева. Ф. 18. Оп. 1. Д. 203, 271, 338, 445, 557, 639.

¹⁵ Там же. Д. 448. Л. 155.

¹⁶ Там же. Л. 155об.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 32. Л. 19.

¹⁸ В ожидании Палестины: 17 писем С.Н. Булгакова к М.О. Гершензону и его жене. 1897-1925 // Неизвестная Россия: XX век. Вып. 2. М., 1992. С. 130 (письмо от 8 июня 1904).

¹⁹ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 855. Д. 74. Л. 1-5.

²⁰ Булгаков С. С новым годом // Вопросы Жизни. 1905. N 1. С. 311.

²¹ ЦГИАУ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 888. Л. 30.

²² В ожидании Палестины... С. 126 (20 апреля 1900).

С НОВЫМ ГОДОМ!

1-е Января 1904 года

Новый год. Календарная перемена - не больше.

Отчего же так тревожно сжимается грудь и так пугливо озирается совесть? Отчего вдруг становится слышно биение собственного сердца и внимание невольно устремляется к тому, на чем не дает обыкновенно остановиться житейская суета? Отчего это какая-то сильная рука берет и властно поднимает нас над остановившимся как будто потоком времени и ставит лицом к лицу с вечностью? Отчего на этом изломе времени, который отмечается в календаре новым годом так реально и осязательно чувствуется и вечность и временность, и неразрывная связь и вся противоположность между ними?

Эту связь и эту противоположность мы носим в собственном сердце, она образует наше сокровенное существо, из нее соткана наша душа. Мы рождены для вечности, но живем во времени. Нам поставлена задача во времени служить вечности, во времени побеждать время... Парадокс, но этот парадокс выражает всю глубину человеческой души, всю загадочность человеческой личности, весь драматизм исторического существования человечества. Служи вечности каждым дыханием, каждым помыслом, каждым движением, но живи во времени, носи его оковы, разделяй его ограниченность, его задачи и перспективы, будь чуток к призывам окружающей жизни, умей исполнять требования истории, которые становятся ее провиденциальным ходом, закономерным развитием всемирно-исторической идеи.

Время и история не противоречат вечности. Время есть форма жизни человека и человечества, только форма... И эта форма может быть наполнена вечным содержанием, служением нетленной правде и любви.

Вечности противоположно не время, а временность, следовательно, призрачность, тленность содержания жизни, ее интересов. Себялюбие, мелкие интересы текущего дня, не связанные с высшими задачами, жизнь без идеала и вне идеала - вот истинная антитеза вечности. Повседневность и обыденщина - вот реальная сила времени. Вот та неразрывная, но действительная и могучая сила, которая охватывает своими сильными щупальцами душу, связывает ей крылья, делает ее незрячей и глухой к голосу вечности. Ужас перед этой силой временности есть глав-

ный пафос музыки Чехова, и именно тоску по вечности, жажду нетленного, идеального содержания жизни сообщает он читателю своими произведениями.

Борьба между временем и вечностью, между высшим идеалом, высшей правдой человеческой жизни и между интересами минуты и эгоистическим самоутверждением незримо идет в каждой человеческой душе, ее видит только один неизменный свидетель - человеческая совесть. И лишь порою, когда время как будто останавливается, невольно начинается проверка итогов этой борьбы, совесть беспрепятственно впускает в сердце свое едкое жало, острое лезвие своего меча, проникающего и разделяющего сокровенные мысли и чувства.

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаяю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Так с гениальной, истинно человеческой правдивостью исповедовался наш великий поэт. У кого хватит смелости отказаться повторить за ним эту покаянную исповедь? И не нужно заглушать этот голос, его нужно выслушать и принять к исполнению, по крайней мере, хоть выслушать.

На новый год естественно заняться не только «чисткой души», но и проверкой национальной совести. Составляя часть национального целого, мы несем естественную ответственность за его грехи, и требования национальной совести составляют наш гражданский долг, наши общественные задачи. Самый жгучий вопрос нашей национальной совести, вопрос о достойном нравственном существовании русского народа, давно уже с поразительной силой и сжатостью формулирован был Влад. Соловьевым в стихотворении «Ex oriente lux».*

*О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?*

Хочет ли быть наша родина страной Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Герцена, Толстого, Соловьева, Достоевского или же страной Малюты, Грингмута, Мещерского, Каткова, Скворцова, Крушевана? Захочет ли осуществить Евангельскую правду и открыть объятия всечеловеческой Любви, способность к которой ей приписывали благороднейшие ее сыны, или же будет ужасать мир Кишиневым, будить вражду и раздоры, восстанавливать

* Соловьев Влад. Стихотворения. Изд. третье. С-Петербург. 1900. С. 50-1.

злую татарщину, сеять плевелы насилия и ненависти? Вот роковой вопрос нравственной жизни, нравственного достоинства русского народа, его исторической роли, и вопрос, все еще нерешенный: Ксеркс или Христос?

Тот же Владимир Соловьев еще в 1888 году следующим образом формулировал духовные нужды России: «Настоятельная потребность наша, существенное практическое условие для исполнения нашего высшего национального призвания есть духовное освобождение России - дело несравненно более важное, нежели гражданское освобождение крестьян...

Россия достигла ныне национального совершеннолетия, и пора снять опеку с ее веры и мысли. Россия обладает, быть может, великими и самобытными духовными силами, но для проявления их во всяком случае нужно принять и действительно усвоить те общечеловеческие формы жизни и знания, которые выработаны зап. Европой. Наша внеевропейская и противуевропейская преднамеренная и искусственная самобытность всегда была и есть лишь пустая претензия; отречься от этой претензии есть для нас первое и необходимое условие всякого успеха**). Покойный философ дает здесь практическую формулировку поставленного им же общего вопроса. С чего начать, что прежде всего и настоящей всего нужно России, чтобы совершить выбор между Ксерксом и Христом? Общечеловеческие формы жизни, выработанные зап. Европой, правовое государство, - такой ответ на этот вопрос дает сейчас и вся честная и мыслящая Россия. Вопрос об усвоении западных форм жизни никогда еще не достигал такой остроты, необходимость их усвоения никогда еще не выяснялась до такой степени в общественном сознании, как теперь; оно стало нравственной необходимостью, сделалось вопросом, поистине, национальной совести, ее болячкой, незаживающей и постоянно вновь растравляемой язвой, которая делает больным, парализует жизнедеятельность всего организма. И несмотря на все это, русская жизнь с прежним и даже большим упорством, с какой-то тупостью противится общественному мнению передовых классов, и стальные острые зубцы вонзаются в живое тело, калеча, уничтожая молодые побеги...

Борьба между Ормуздом и Ариманом нашей жизни, которая происходит в течение всего прошлого века, совершенно заполняет в последнее время наше общественное сознание. Она становится все острее, все ожесточеннее, распространяется ивширь и вглубь; близится решающий бой...

** Соловьев В.С. Собр. сочинений. Т. 5.С.3 (предисловие к первому выпуску "Национального вопроса").

На глазах растут и крепнут духовные силы нашего народа, детская непосредственность сменяется пробуждающейся сознательностью, духовная жажда усиливается, разрозненные усилия отдельных лиц складываются в организованную общественную силу. И - что самое важное - навстречу бледной и слабой руке интеллигента, ведшего до сих пор одиноко хотя и героически борьбу с Ариманом, протягивается могучая мускулистая рука, на призывный клич к сознательному отстаиванию права раздаётся ответный гул сотен и тысяч голосов, который становится все громче и раздельнее; ведь от одних трубных звуков пали некогда стены Иерихонские! Какой величественный и знаменательный момент русской истории мы переживаем!

На одной стороне героизм, искание правды и справедливости, борьба за человеческое достоинство, национальный ренессанс, а что же на другой? Соловьев еще 10 лет тому назад писал об этой другой стороне: «положение дел изменяется, и как бы в предварение страшного суда начинается уже некоторое отделение пшеницы от плевел. В области идей, по крайней мере, это очень ясно. Представители темной силы, бывшие доселе, частью по недоразумению, частью по лицемерию, защитниками «всего святого и высокого», договорились, наконец, до принципиального отрицания добра, правды и всяких общечеловеческих идеалов и вместо имени Христа, которым столько злоупотребляли, откровенно клянутся именем Ивана Грозного»***. Что мы можем прибавить теперь к этой характеристике? Разве только присоединить к упомянутому историческому имени другие подобного же значения имена: Малюты Скуратова, Аракчеева, Шешковского!...

В этой же статье Владимир Соловьев писал: «нелепо было бы верить в окончательную победу темных сил, но ближайшее будущее готовит нам такие испытания, каких еще не знала история». Увы! И эти слова покойного философа все более и более подтверждаются. Тяжела русская жизнь, кажется порою до невыносимости. Но эта мучительность есть симптом общественного роста. Мы присутствуем как бы при исторических родах, и начались уже родовые боли. Нужно теперь смотреть вперед и думать о том, чтобы роды пришли к благополучному концу, а не о том, чтобы остановить схватки. Мы не пасынки истории, если нам, нашему поколению, даны столь великие исторические задачи. Прочь же позорное малодушие, прочь сожаления и да будет благословенна благодатная, плодоносящая жизнь. Вперед к свету и свободе!

*** Национальный вопрос. Собр. сочинений. Т. 5. С. 221.

Пожелаем же , чтобы и в настоящем году не притупилась общественная совесть, обострились далее непримиримые противоречия русской жизни, приближая день ее возрождения, день гибели ее исторического Аримана.

С новым годом, друзья и братья!

С.Булгаков

А.Ю. МОРОЗОВА

«УСТРАНЕННЫЕ» БОЛЬШЕВИКИ (1908-1910)

Осенью 1914 года в Петербурге должна была выйти не совсем обычная книга с довольно громким названием - «Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник». Само имя автора многое говорило искушенному читателю, который наверняка читал (или хотя бы видел) такие книги, как «Эмпириомонизм», «Краткий курс экономической науки», романы-утопии «Красная звезда» и «Инженер Мэнни», «Тектология». Автора звали Александр Александрович Богданов. В прошлом - один из лидеров и идеологов большевизма, блестящий организатор и пропагандист, он вернулся в Россию весной 1914 года, попав под амнистию, объявленную в связи с празднованием 300-летия Дома Романовых. К этому времени он уже практически отошел от политической и партийной деятельности, сосредоточившись на научной и литературной работе и поддерживая переписку лишь с довольно ограниченным кругом своих друзей и единомышленников. Им-то он и писал из Петербурга в мае 1914 года о своей новой книге: «Я пишу ответ «за всех и за вся», т.е. по всей линии, в виде большого памфлета. Кончу его не раньше чем через месяц, а издан он может быть только к осени... Это будет подведение итогов в популярной и полемической, но не обычной форме»¹.

Форму автор, действительно, избрал необычную. Вся книга построена в виде разбора дела еретика, отлучаемого от некоего ортодоксального учения (в данном случае - марксизма). Богданов отнюдь не оправдывается, ибо нельзя доказать ортодоксам правоту еретика, который потому и отлучаем, что отстаивает право на свое собственное видение мира, на развитие идеи, на создание новой науки, не освященной высокими авторитетами прошлого. Полемизируя со своими отлучателями, автор не только старается опровергнуть их аргументы в старом споре, но и